

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(С. В. Максимовъ).

С. В. Максимовъ.

Рѣдко я встрѣчалъ среди писателей людей болѣе симпатичныхъ, чѣмъ братья Максимовы, Сергѣй и Николай. Съ Николаемъ я воспитывался въ одной школѣ и недолго работалъ съ нимъ въ одной газетѣ, когда онъ былъ еще морскимъ офицеромъ. Потомъ онъ исчезъ съ моего горизонта, командовалъ баталіономъ въ сербо-турецкую войну, былъ корреспондентомъ въ турецкую кампанію 1877—78 г., во время которой былъ раненъ. Затѣмъ мы опять встрѣчались, когда онъ замѣнялъ капитанскій рупоръ перомъ и пріѣзжалъ въ Петербургъ. Внѣшнимъ образомъ онъ производилъ впечатлѣніе чловѣка, что называется, съ растрепанными чувствами, но былъ добрый малый и прекрасный товарищъ. Много было въ немъ искренности и непосредственности, хотя, къ сожалѣнію, онъ былъ чловѣкъ увлекающійся, что печально отразилось на его жизни, а часто портило и искажало его писанія.

Въ сравненіи съ нимъ его братъ, Сергѣй Васильевичъ, авторъ „Года на сѣверѣ“, „Куля хлѣба“, „Лѣсной глуши“ и т. д., какъ писатель, былъ великаномъ, но, какъ чловѣкъ, онъ былъ не менѣе простъ, обходителенъ, симпатиченъ, незлобивъ, услужливъ, красивъ тою добротой, которая сквозитъ у добраго чловѣка въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ. Поэтому его силоватый голосъ дѣйстви-

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1912 г.

валъ такъ пріятно и успокоительно на нервы, поэтому онъ всегда былъ окруженъ людьми, любовью же отвѣчавшими на его любовь.

Я съ нимъ познакомился, когда ему было уже 50 слишкомъ лѣтъ. Но, несмотря на сѣдины, онъ былъ еще бодръ и свѣжъ, почти какъ юноша. Очень я любилъ бесѣдовать съ нимъ. Онъ да Якушкинъ, Павелъ Ивановичъ, были у насъ въ Россіи первыми работниками на совершенно невоздѣланной нивѣ, первыми интеллигентными тружениками, превратившими изученіе русскаго народа въ писательскую профессію. Сынъ столбового дворянина и гвардейскаго офицера Якушкинъ, а за нимъ и сынъ уѣзднаго почтмейстера Максимовъ отрѣшились отъ всей привычной имъ интеллигентской обстановки и пошли въ народъ, обрекая себя на всевозможныя лишенія и часто на опасности. Но это было не то хожденіе въ народъ, которое вошло у насъ въ моду въ 70-хъ годахъ и которое такъ великолѣпно описано Тургеневымъ въ его „Нови“. Нѣтъ, это было другое хожденіе въ народъ—не для того, чтобы учить, а для того, чтобы учиться, для того, чтобы вынести изъ моря народной жизни знанія, безъ которыхъ наша забота объ этомъ народѣ всегда есть и будетъ дѣломъ мертворожденнымъ. Тотъ, кто ходилъ въ народъ съ политическими цѣлями, возвращался домой разочарованнымъ, но тотъ, кто ходилъ въ народъ, чтобы учиться, возвращался съ вѣрою въ этотъ народъ и приносилъ съ собою безграничную любовь къ нему. И помнится мнѣ, когда я иногда часами бесѣдовалъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ, я проникался сознаниемъ, что въ примѣненіи къ нашему народу надо очень осторожно обращаться съ разными политическими теоріями, все равно—консервативными или либеральными, и что очень малодушны тѣ, кто теряютъ вѣру въ него.

Много мнѣ самому пришлось путешествовать по Россіи, но при встрѣчахъ съ Максимовымъ я чувствовалъ, что въ сущности мало знаю народъ, и готовъ былъ часами слушать его бесѣду, въ которой неожиданно для меня раскрывались новыя стороны народной жизни, новыя черты его духовнаго облика. Это не были разсужденія о народѣ, а характеристика его при помощи фактовъ, собранныхъ внимательнѣйшимъ наблюденіемъ и сохраненныхъ памятью, которая повидимому разъ навсегда удерживала все достойное вниманія. Я прочелъ болѣе или менѣе все, написанное Максимовымъ, и тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ съ нимъ почерпалъ все новые факты, расширявшіе и углублявшіе мое знаніе народа. Максимовъ представлялъ собою сокровищницу наблюденій и знаній въ этой области. Онъ до тонкости зналъ народную жизнь тѣхъ многочисленныхъ мѣстностей, которыя онъ объѣздилъ или обошелъ, а объѣздилъ онъ

и Сѣверъ, и Сибирь, и Поволжье, и Центральную Россію, изъ которой онъ самъ былъ родомъ (Максимовъ, какъ извѣстно, костромичъ), и Юго-Восточную, и Западную Россію. Къ сожалѣнію, Максимовъ не избѣгъ участи болѣе или менѣе всѣхъ русскихъ людей, которые вступали въ близкое общеніе съ нашимъ народомъ, участи Якушкина, Левитова, Николая Успенскаго, Рѣшетникова, Глѣба Успенскаго. Онъ заразился общенародною слабостью къ спиртнымъ напиткамъ, и если не разстроилъ этимъ здоровья, то только потому, что оно у него было несокрушимое. Онъ могъ выпить безъ видимаго вреда для здоровья несчетное число рюмокъ самыхъ крѣпкихъ напитковъ. Худшее, что съ нимъ случалось, это то, что онъ временно какъ бы застынетъ, окаменѣетъ. Помню, онъ какъ-то у меня въ домѣ за обѣдомъ сталъ пить очень много. Удержать его было трудно. Онъ отбояривался словами: „А звали“ или: „Жалѣете, что-ли, пошла-то своего“. Наконецъ, гляжу,—Максимовъ, облокотившись на одну руку, совершенно затихъ. Я приблизился къ нему, вижу—спитъ. Захотѣлось поудобнѣе устроить старика. Я тихонько пригласилъ его перейти въ кабинетъ и прилечь на диванѣ, причемъ взялъ его за руку. Но рука эта оказалась словно высѣченною изъ камня, да и весь онъ точно окаменѣлъ и, казалось, никакая сила не сдвинетъ его съ мѣста. Въ такомъ положеніи онъ оставался около получаса и затѣмъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вдругъ сталъ меня, хозяина, корить, что я плохо потчую гостей, — и выпивка возобновилась.

Вино у него было непріятное въ томъ отношеніи, что онъ любилъ во хмелю ругаться. Тогда онъ ходилъ немного на Салтыкова: ругательства у него такъ и сыпались, понятно, безъ злобы, а какъ какое-то непонятное ухарство или просто какъ дурная привычка. Бывало и такъ, что когда неудовольствіе (на чувство озлобленія онъ, кажется, былъ неспособенъ) долго въ немъ таилось, оно вдругъ у него прорвется подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и при томъ совершенно неожиданно для него самого. Помню одинъ эпизодъ этого рода, поставившій всѣхъ присутствовавшихъ въ очень неловкое положеніе.

Это было въ 80-хъ годахъ. Уже тогда у насъ литературные юбилеи превратились въ литературные именины, т. е. чествованіе серьезныхъ заслугъ замѣнилось простымъ пиромъ, устраиваемымъ другу-пріятелю или лицу, отъ котораго ожидаешь благъ земныхъ. Такіе юбилеи уже тогда устраивались довольно часто, хотя далеко не такъ часто, какъ теперь, когда вошло въ обычай чествовать даже третьестепенныхъ литераторовъ. Въ данномъ случаѣ чествовали далеко не популярнаго редактора-издателя распространенной

либеральной газеты, чествовали собственно не его, а либерализмъ, и собралось много народу. Были и читатели, и почитатели, въ лентахъ и безъ лентъ, въ орденахъ и безъ орденовъ, во фракахъ и въ мундирахъ. Было немало и дамъ въ бальныхъ туалетахъ. Словомъ, юбилейный обѣдъ удался на славу. Понятно, что какъ только жаркое было подаво, и шампанское розлито, начались безконечные спичи и рѣчи, въ которыхъ, совершенно какъ теперь, на золотникъ правды приходились пуды притянутыхъ за волосы комплиментовъ. Въ самый разгаръ этихъ восхваленій въ залъ входитъ Максимовъ и при томъ, что называется, на двадцатомъ взводѣ. Гдѣ онъ успѣлъ привести себя въ такое далеко не салонное состояніе, было его тайной, но мнѣ стало жаль его. Я впрочемъ успокоился, когда увидѣлъ, что онъ усѣлся въ самомъ концѣ громаднаго стола покоемъ, положилъ руки на столъ, на руки опустилъ голову и повидимому заснулъ богатырскимъ сномъ.

Между тѣмъ комплименты и всякаго рода восхваленія продолжали литься рѣкой, ораторы старались превзойти другъ друга въ похвалахъ. Юбиляръ не безъ достоинства въ отвѣтъ улыбался, постепенно, должно быть, свыкаясь съ мыслью, что онъ дѣйствительно заслужилъ расточаемыя ему похвалы. Словомъ, все шло прекрасно, и я о Максимовѣ уже забылъ, какъ вдругъ на его концѣ стола раздался сильный звонъ, и я, къ ужасу своему, вижу, что говоритъ собирается именно совершенно пьяный Максимовъ. И онъ въ самомъ дѣлѣ заговорилъ. Къ счастью, рѣчь его была необыкновенно коротка, но, къ несчастью, ужасно выразительна. Онъ сказалъ: „И ты (тутъ онъ назвалъ юбиляра по фамиліи) вѣришь, что они говорятъ тебѣ правду! Неужели ты такъ глупъ?“ И, сказавъ это, Максимовъ повалился опять на столъ, заснулъ сномъ праведника, сознающаго, что онъ исполнилъ свой долгъ, и предоставилъ остальной публикѣ расхлебывать заваренную имъ кашу. Всѣ конечно сдѣлали видъ, что не разслышали произнесенныхъ имъ словъ, а какой-то находчивый ораторъ продолжалъ расточать юбиляру комплименты, но всѣ въ душѣ сознавали, что въ краткой рѣчи Максимова было больше правды, чѣмъ въ безконечныхъ разглагольствованіяхъ другихъ ораторовъ.

Склонность Максимова „шебаршнить“, какъ онъ любилъ выражаться, при его мягкости и добротѣ, имѣла для него многія непріятныя послѣдствія. Когда онъ „шебаршилъ“, онъ мало разбиралъ, съ кѣмъ собственно проводитъ время. Случалось, что онъ въ домъ приводилъ совершенно незнакомыхъ людей, которые подъ вліяніемъ винныхъ паровъ казались ему людьми чрезвычайно симпатичными. Иногда онъ даже оставлялъ ихъ ночевать у себя, а затѣмъ утромъ

самъ не могъ ума приложить, какъ человѣкъ, совершенно незнакомый, оказался у него въ кабинетѣ или въ гостиной.

Равъ какъ-то онъ жилъ на дачѣ въ Парголовѣ. Гостиная у него большими окнами и балконными дверями, составлявшими какъ бы одну сплошную стеклянную стѣну, выходила на сѣверо-востокъ, такъ что первые уже лучи побѣдоноснаго лѣтняго солнца освѣщали всю комнату. Въ ней конечно никто не ночевалъ, и диванчикъ въ ней стоялъ такой крошечный, что и ребенку, кажется, трудно было на немъ умѣститься. А Максимовъ вечеромъ послѣ долгихъ возліяній привелъ домой какого-то рослаго собутыльника, котораго рѣшительно негдѣ было пристроить. Онъ ему отвелъ гостиную, ушелъ къ себѣ спать и тотчасъ же заснулъ мертвымъ сномъ.

Однако подъ утро ему что-то все мѣшало спать, и какъ только онъ окончательно проснулся, тотчасъ вспомнилъ, что вчера кого-то съ собою привелъ, кого — онъ рѣшительно не зналъ и, поскорѣе одѣвшись, отправился въ гостиную, чтобы узнать, кто его гость. На диванчикѣ полулежалъ, далеко протянувъ на полу длинныя ноги, въ невозможной, изломанной позѣ богатырь, по лицу котораго отъ свѣта и неудобнаго лежанія пробѣгали по временамъ гримасы. Увидавъ это лицо, Максимовъ вспомнилъ, что это какой-то полужнакомый врачъ, съ которымъ онъ раза два въ жизни встрѣчался въ одномъ изъ своихъ любимыхъ ресторанчиковъ. Лицо доктора исказилось отъ боли, онъ проснулся, взглянулъ на Максимова, а тотъ, указывая одной рукой на диванчикъ, а другой на ярко освѣщенную стеклянную стѣну, пропускавшую потоки утренняго свѣта прямо въ лицо злополучнаго гостя, извиняясь, проговорилъ:

— Коротко... и ясно.

И оба отъ души расхохотались, хотя гость въ то же время и охалъ.

Можно себѣ представить, какъ семья Максимова тяготилась этими ночными посѣщеніями.

Но склонность Максимова къ спиртнымъ напиткамъ имѣла и другія болѣе непріятныя послѣдствія. Максимовъ былъ человѣкъ совершенно необезпеченный, семья у него была большая, а литературнаго заработка далеко не хватало. Вообще гонорары въ то время, когда литературная производительность Максимова была значительна, поражали своими скромными размѣрами. Къ тому же онъ въ дѣловомъ отношеніи былъ далеко не ловкимъ человѣкомъ. Приходилось подумать о постороннемъ заработкѣ, и этотъ заработокъ нашелся еще въ 60-хъ годахъ: Максимовъ получилъ мѣсто редактора „Вѣдомостей С.-Петербургской городской полиціи“. Понятно, что между этой газетой и литературой было мало общаго, но, къ со-

жалѣнію, въ прошломъ вѣкѣ немногіе литераторы могли жить исключительно литературой, даже литераторы максимовскаго калибра. Приходилось прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ, и литераторъ былъ счастливъ, если этотъ заработокъ имѣлъ хотя какое-нибудь отношеніе къ литературѣ. Нельзя не порадоваться, что „Полицейскія Вѣдомости“ давали Максиму въ теченіе долгихъ лѣтъ сторонній заработокъ, который, въ свою очередь, давалъ ему возможность посвятить себя любимымъ литературнымъ работамъ. Однако мѣсто редактора „Полицейскихъ Вѣдомостей“ по временамъ почти-что ускользало изъ его рукъ вслѣдствіе все той же страсти къ вину. Промахи случались дѣйствительно очень неудобныя для полуоффиціальнаго органа. Не буду упоминать уже о томъ, что разныя фирмы пользовались слабостью редактора, чтобы провести болѣе чѣмъ щекотливыя объявленія по части амурныхъ или иныхъ дѣлъ этого рода. Случались промахи болѣе серьезныя, за которые Максиму, къ счастью, приходилось только отсиживать на гауптвахтѣ. Такъ, напримѣръ, однажды было помѣщено крупное объявленіе о томъ, что въ такой-то день, въ такомъ-то храмѣ будетъ отслужена панихида по въ Божѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III, хотя этотъ Государь только-что вступилъ на престолъ и благополучно царствовалъ, а панихида была назначена по Императорѣ Александрѣ II. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести это объявленіе вскорѣ послѣ 1-го марта. Но благодаря заступничеству вліятельныхъ друзей, Максимовъ отдѣлался и въ этомъ случаѣ одной гауптвахтой.

Въ заключеніе не могу здѣсь не занести одинъ фактъ, о которомъ мнѣ рассказывалъ Максимовъ нѣсколько разъ, но который онъ, кажется, самъ не занесъ въ свои воспоминанія. Какъ извѣстно, онъ былъ очень друженъ съ нашимъ знаменитымъ драматургомъ А. Н. Островскимъ. Довелось ему между прочимъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ ложѣ во время представленія „Грозы“. Островскій сидѣлъ молча, углубленный въ себя. Только въ той патетической сценѣ, когда Катерина, терзаемая укорами совѣсти, бросается при всемъ народѣ въ ноги мужу и свекрови, каясь въ своемъ грѣхѣ, Островскій весь блѣдный шепталъ: „Это—не я, не я; это—Богъ“. Островскій очевидно самъ не вѣрилъ, что онъ могъ написать такую потрясающую сцену; онъ, подобно Гейне, считалъ писателя рыцаремъ-глашатаемъ св. Духа...

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

